

Орловский арестант (*отрывок из повести*)

Орловскую каторжную тюрьму прославила Четвертая Государственная Дума. Речистый там подобрался народ, задиристый. И слова неистовых депутатов выпархивали из их неугомонных уст и стремительно разливались по всем дальним и ближним уголкам настороженной матушки Руси. И чирикали, и пищали вокруг и всюду, куда попадали на слушок. Повсюду звучал вопрос:

- Вы слышали речь депутата Петровского?

Вопрос был о том самом Петровском, который стал впоследствии первым наркомом внутренних дел после революции в России. Ответы были разные:

- Как же, каждый образованный человек должен внимать и нашим поумневшим российским господам. Петровский подчеркнул и указал нашу вековую дурь.

- Кто теперь усомнится, что тюрьма – это символ России? Нам, революционерам, это важно довести до каждого.

- Нужно вслед за Петровским трубить в орловской тюрьме бьют за все. Бьют за то, что ты здоров, бьют за то, что ты – больной, бьют за то, что ты – русский, бьют за то, что ты имеешь крест на шее и бьют за то, что ты не имеешь его.

- Благодаря Петровскому на головах революционеров все узрят ореол мучеников.

- Нам, революционерам, эти слова нужно развивать и донести до каждого, кто хочет знать, что вся Россия – тюрьма народов. Это свернутая программа нашей агитации.

Вот так словечки были у революционеров, словечки – воробьи с длиннющими хвостами, которые заменяли им даже крылья. Да, видно, не случайно Россия помянула орловскую тюрьму. Прославилась она тем, что здесь томился, опять-таки по хлестким выражениям неистовых трибуналов сам создатель тюрем нового типа Феликс Эдмундович Дзержинский. Кто мог тогда усомниться, что это революционер не местного значения? И в Орел он прикатил аж из самой Варшавы, откуда опасного и строптивного арестанта решили перебросить в глубь России, подальше от пожара мировой войны.

Из Варшавской цитадели в Орловскую губернскую тюрьму прибыл аж целый десант, которому выделили большую камеру. В тихие времена в ней размещалось не больше трех десятков опасных элементов. А тут их набили чуть не восемь десятков. Каторжан держали подальше от вольнообязанных и пересыльных. Известное дело, боялись черносотенцы, слуги престола, чтобы кто на фронт будет отправляться, не набрался бы вредных идей от ретивых прогрессисов. И зараза не пошла бы вольным ходом по России.

В общем, спальных мест было в камере ограничено. А ведь некоторые из арестантов бросили обеспеченное жилье, удобные кровати, пуховики и все

за ради счастья всего человечества, какое есть только на земле. К таким с великой гордостью причислил себя и Феликс Дзержинский.

- Да, шикарный отель, - эти слова вырвались у него как только он переступил порог камеры. Он повел своим длинным носом на вид исцарапанных стен, внимательно посмотрел на тюфяки, брошенные на полу. – В тесноте, да не в обиде, - резонно заметил Дзержинский. Конечно, в Варшавском павильоне он натомился так в одиночку, что был рад хоть каким-нибудь сокамерникам. Но здесь был слишком разительный переход в такую толпу. Нет худа без добра, как это в тюрьмах и всяческих застенках стал понимать Дзержинский. Набили сокамерников, как сельдей в бочку, может быть, для того, чтобы Феликс прочистил кому надо головы, следуя своему принципу быть мудрым, как змей.. В камере народец содержался под стражей ушлый, наученный себе и то не слишком доверять. Провокаторы и изменщики были в любой публике, а тем более в такой.

Дзержинский возжелал по-хозяйски подойти к окну, но удалось только пронырнуть мимо сокамерников. Он сморщился, глядя на окно и раздраженно произнес:

- Ну, вот, на дворе зной, а здесь даже зимние рамы и окна не сняли.

Конечно, это был повод для выражения протеста, но Дзержинский уже давно понял, что в тюрьме лучше быть примерным арестантом, а нужную работу вести тайно и осмотрительно, чтобы любую ищейку пустить по ложному следу.

Появился еще один повод, чтобы законно повозмущаться. Стражник разрешил новичкам снять арестантские халаты и надеть свою одежду, а вот багаж Дзержинского куда-то, как ни странно, запропастился. Феликс действительно устроил стражнику форменный допрос, но тот только растерянно пожимал плечами:

- Ищут, ищут ваш багаж, и как найдут, сразу же доставят.

- Мне брат «Правительственный вестник выписал». Извольте, доставьте его в срок...

- Все будет, как положено, - буркнул стражник и быстренько вышел из камеры. Дзержинский кивнул на него и тихонько произнес:

- Стражник молодой еще, не обывший к тюремным камерам и коридорам. К такому нужно особо присмотреться. Нелегальные письмишки посылать надобно через надежных людей.

- Ну, вот, газетку нам будут доставлять. Какие-никакие, но фронтовые новости будем знать.

- А ты сам-то воевал, али как? – поинтересовался у Дзержинского горбоносый арестант.

- Освобожден по болезни, - крикнул, словно щелкуну его по носу Феликс. Но горбоносый так и не приметил щелчка и произнес насмешливо:

- Хлипкий ты, стало быть, для фронта, для социалистов только сгодишься.

Но в такие дискуссии Дзержинский не намерен был вступать. Как знать, озадачился он, может, это – провокация?

- Вдруг по случаю войны амнистию организуют? – сказал горбоносик.

- Хотела кошка мышку провести, - уклончиво ответил Дзержинский, хотя в душе у него так и закипел резкий ответ:

« Не верьте царским подачкам, не верьте буржуазии. Нельзя надеяться на царскую милость. Надо самим добывать себе и детям свободу и лучшую жизнь, вместе с рабочими всей России создать свою народную власть».

Не ведал еще тогда Феликс, что придет для него время, когда он сможет это высказывать открыто, а имеющие уши со спецнастройкой, услышат.

Когда в камеру принесли обед – гороховый суп, гречневую кашу, полтора фунта черного хлеба и полфунта белого, Дзержинский не набросился с жадностью, как другие арестанты, на еду. Он долго, внимательно рассматривал ее. Со стороны даже казалось, что он норовил взглядом выловить горошины из супа. А он, оказывается, новую стратегию изобретал.

- Пища плоховата, сразу видно, без подпитки нам не обойтись. Ну, кто желает на общий кошт? У кого денежки найдутся? Будет у нас своя коммуна.

На призыв Дзержинского сразу отозвалась дюжина арестантов, кто получал подпитку от родных. Глаза Дзержинского, только что такие тусклые и вялые, сразу же загорелись решительностью и напором, и он заявил:

- Давайте сейчас скинемся деньгами пока что на несколько дней. Закажем стражнику, пусть снабжает продуктами. И лучше такими, которые нельзя разбавить, как молоко и сметану. Будем брать сало, селедку, солонину, сыр побольше и получше, пока еще военный кризис не проявился в магазинах. Ну, а другие пусть не обижаются, коммуна есть коммуна. Коль заодно, обделять кого - то негоже. Но мы не только на общий кошт соединяемся, будем и математику изучать. Хорошо, что здесь пока нам разрешили иметь тетради и карандаши. И грамоту будем осваивать. Ну, на это приглашаю всех желающих.

- А математика нам зачем? – спросил молодой рябой арестант.

Дзержинский ответил убедительно:

- От математики легко перейти к политэкономии, будешь грамотным.

Дзержинский достал из кармана халата маленький пузырек с засохшими чернилами на дне, взял со стола пузырек с чернилами, стал отливать в свой.

- А это зачем? – не унимался в любопытстве рябой. « Таких легче всего на свою сторону привлекать», - отметил про себя Дзержинский и спросил почти дружеским тоном:

- Тебя как зовут-то?

- Мишка.

- Ну, так вот, Мишка, сразу видно, что в тюремных застенках ты впервые. Отберут чернила за какие-нибудь нарушения, всегда найдут, к чему придраться. Как будем писать? И расстроится наша коммуна.

К Феликсу пробрался Юлиан Хан и чуть слышно произнес:

- Я тоже бы вошел в вашу коммуна. Только у меня здесь в груди все болит. Видно, сказывается горняцкое дело. И аппетиту особо нету. Неужто здесь загнусь и не увижу больше своей Домбровы? А я думал, сколько пользы принесу для нашего Королевства Польского и Литвы. – Последние слова он

почти прошептал и закашлялся. Дзержинский положил ему руку на плечо и сказал:

- Знаешь, Юлька, у меня самого здоровье неважноецкое. – Свой сочувственный тон Дзержинский перебил вдруг на патетический. – Дух может все победить! Вера в свои силы и желание жить – великая сила. Не поддаваться болезни – могучее стремление к жизни, оно победит любую хворь. Я живу верой в свой дух.. Иногда кажется, боль разорвет мой череп – ужасные минуты. Но ведь эта боль делает нас людьми. Через нее и солнце видим другим, более родным, даже через эти решетки. Мы не должны превращаться в рабов собственной слабости. Это только люди безумные с продажной совестью не способны перенести никаких страданий. Чтобы победить страдания, нужно увидеть диалектику жизни. Все движется вперед. – Феликс говорил теперь не Юлиану, который слушал как-то подавленно, ошеломленно, не понимая, то ли Дзержинский издевается над ним, то ли в самом деле вознамерился словами его спасти? И в самом деле он будто заговаривал ему боль, Юлиану и дышалось легче. _ Да, все движется вперед, путем печали, страданий, борьбы старого с новым, путем смертей, гибели отдельных жизней. Из этого вырастает цвет радости и счастья. Красивый цвет – плод начала и мук.

Юлиан покачал головой и произнес:

- Нет, я не так чувствую и ощущаю. Ты сильный, а меня уже сломала болезнь.

Хан махнул рукой и пошел в угол, где ему освободили нары. И он лег на них, что-то бормоча, в чем-то оправдываясь.

Дзержинский сморщился, почувствовав неудобство положения, будто кто-то насмешливо переломил его вдохновенную декламацию. Он задумался, как всем арестантов подчинить себе? И тут же понял, как это сделать. Теперь ему предстояло провести большую работу.